

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
О ГРЯДУЩЕМ СОВЕРШЕНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА
(В. ОДОЕВСКИЙ – Ф. ДОСТОЕВСКИЙ – А. ПЛАТОНОВ)***

И.И. ЕВЛАМПИЕВ

Мистический утопизм В. Одоевского

Характерной чертой русской литературы на протяжении всей ее истории было стремление ставить и решать сложные философские проблемы. Одной из наиболее острых и интригующих была проблема исторического развития человечества и той цели, к которой это развитие ведет. Это обусловило популярность жанра литературной утопии начиная с конца XVIII в. Этот жанр русской литературы уже не раз становился предметом исследования¹, однако, как нам кажется, пока еще не были с достаточной полнотой учтены взаимосвязи литературной утопии с философскими концепциями человека и истории. Именно на эти взаимосвязи мы и хотели бы обратить внимание.

Далеко не всегда литературная утопия предстает как философская обоснованная; в русской традиции эта связь ясно выступает у Владимира Одоевского, который в равной степени принадлежит и истории русской литературы и истории русской философии. При этом Одоевский не только органически соединяет в своем творчестве философию и художественную литературу, но и дает теоретическое обоснование такого соединения, необходимого для достижения *высшей формы* самой философии.

Одной из важнейших идей Одоевского было противопоставление в человеке разума и инстинкта – «инстинктуальной силы», по его терминологии. Последний Одоевский понимал вовсе не в смысле инстинкта животных, а как первичную форму единства человека с миром, порождающую в человеке некоторое непосредственное «знание» о мире. Этим «знанием», совершенно не похожим на обычное научное знание, человек обладал в самом начале своего развития как разумного существа, но по мере становления разума и способности выражать свои познания в слове, в системе отвлеченных, общих понятий, он утрачивал непосредственное «знание», связанное с инстинктом, и был вынужден постепенно воспроизводить и повторять его в дискурсивной, рациональной форме.

Но в нашем нынешнем состоянии научное знание о мире является только низшей формой знания, высшая же его форма – это философия, которая познает в первую очередь человека и затем его отноше-

---

* Статья подготовлена в рамках Научно-исследовательского проекта Санкт-Петербургского государственного университета «Университетская философия в контексте социальных процессов: интеллектуальная история и коллективная биография», грант № 23.38.328.2015.

ние к миру. В этой сфере разум уже бессилён, по-настоящему глубокая и правильная философия должна основываться на возрожденной «инстинктуальной силе», что для Одоевского означает присутствие в философском знании *поэзии* (понятой в широком смысле, как любая форма художественного творчества). Вот как он пишет об этом: «Все умозрительные системы суть произведения инстинктуальной силы, или самопобуждения, все эмпирические — разума. Совершеннейшая система (о чем недавно догадались) должна быть соединением того и другого; такая система есть высшая философия и вместе высшая поэзия; она в настоящую эпоху еще недостижима; но мы имеем в ней нужду — и оттого поэзия так успокаивает дух наш, оттого поэзия, как говорят, миротворительница; она есть предвестник того состояния человечества, когда все недоразумения и споры прекратятся и человечество перестанет *достигать* и начнет пользоваться достигнутым»².

Главный принцип правильного философского познания человека, по Одоевскому, заключается в том, что человек является бесконечным и абсолютным существом, которое в своем наличном земном существовании только в малой степени раскрывает свою сущность. Это убеждение никогда не умирало в коллективном сознании человечества; ярким его свидетельством Одоевский считал древние сказания и легенды, в которых еще жило первичное «знание», порожденное «инстинктуальной силой» — здесь человек предстает подобным богам, т.е. совершенным и могущественным.

Если бы скрытое могущество человека было явлено на свет, оно привело бы к радикальному изменению его отношений с миром, он стал бы реальным «господином» природы, всего мира. Соответственно все современные проблемы человечества происходят от того, что человек, не являя своей подлинной сущности, не может «руководить» природой — он сам страдает от ее произвола и вместе с ней идет к гибели. «Громко и непрерывно природа взывает к силе человека: без силы человека нет жизни в природе... Сохранились предания: когда человек был в самом деле царем природы; когда каждая тварь слушалась его голоса, потому что он умел назвать ее; когда все силы природы, как покорные рабы, пресмыкались у ног человека; неужели в самом деле человечество совратилось с истинного пути своего и быстро, своевольно стремится к своей гибели?»³ Печальный итог этого пути Одоевский показывает в мрачной антиутопии «Последнее самоубийство» из книги «Русские ночи». Своей непосредственной целью этот маленький рассказ имеет иллюстрацию концепции Мальтуса; главной проблемой изображенного здесь общества далекого будущего является перенаселение, которое вызвало нехватку пищи и других жизненных ресурсов. Автор пытается показать, что развитие науки и техники *в принципе* не способно решить самых главных проблем человечества, и если цивилизация будет продолжать идти

только по пути наращивания своей научно-технической мощи, ее ждет неизбежная гибель.

Все сказанное делает еще более понятными причины, по которым Одоевский настаивает на необходимости синтеза философии и «поэзии». Ведь рационально представить себе человека и человечество в состоянии совершенства, в состоянии «сверхчеловечества», очень трудно, а может быть, и вообще невозможно. В этом смысле то, чем занимается Одоевский, — это не «футурология», которая дает ясное предсказание форм будущего, доводя до предела тенденции, присутствующие в современности, — а *эсхатология*, условно-символическое описание такого преобразования человека и мира, для которого у нас нет, в нашем нынешнем состоянии, никаких ясных понятий. О сути этого преобразования можно только намекать, показывая с помощью художественных образов отдельные признаки грядущего совершенства.

В творчестве Одоевского есть произведения, в которых он пытается прямо и явно говорить о «сверхчеловеческом» состоянии человечества — это его произведения о далеком будущем: повесть «4338-й год» и рассказ «Два дня из жизни земного шара». Повесть осталась незаконченной, в написанной части Одоевский не дошел до изложения своих представлений о том высшем (философском и мистическом) знании, которое составляет высшую цель человеческого развития, всей истории. В обоих произведениях изображено состояние земной цивилизации накануне катастрофического события — столкновения с огромной кометой, которая должна уничтожить человечество. В повести эта тема остается на втором плане, здесь достаточно кратко говорится о том, что правители и ученые русской (наиболее развитой в то время) части земной цивилизации хладнокровно готовятся к встрече с кометой, надеясь изменить ее траекторию с помощью мощных снарядов (ракет). В этом случае борьба с кометой и той угрозой, которую она несет, имеет всецело научно-технический характер. Совсем другое отношение к такой же точно угрозе раскрывается в рассказе. В нем изображена ситуация (по сюжету она является вымышленной и предстает как фантазия одного из гостей светского салона), когда астрономы предсказали неизбежное столкновение с кометой и гибель Земли в течение нескольких дней. Всеобщей панике людей и мгновенному падению всех духовных и нравственных основ в человеческом обществе противопоставляется выдержка и спокойствие мудрого 80-летнего старика-пророка, который видит гораздо больше в мире, чем все остальные люди и для которого открыто будущее. На восклицание своего сына, что он потерял слух и зрение, раз не боится той угрозы, которая очевидна для всех, старец возражает: «Напротив, не только сохранил то и другое, но еще сверх того нечто такое, чего нет у вас: спокойствие духа и силу рассудка; будь спокоен, говорю тебе, — комета явилась неожиданно и пропадет так же — и гибель Земли

совсем не так близка, как ты думаешь; Земля еще не достигла своей возмужалости, внутреннее чувство меня в том уверяет...»⁴

Старик оказывается прав: комета проходит мимо Земли, и у читателя невольно возникает вопрос: этот старик только угадал будущее или, может быть, он способен так влиять на реальность, что сам определил это будущее, и именно ему Земля обязана своим спасением? Положительный ответ на этот вопрос весьма вероятен, и на него намекает вторая часть рассказа, изображающая как Земля совершает последние витки по орбите перед падением на Солнце, т.е. стоит перед лицом еще более неотвратимой и губительной катастрофы, чем столкновение с кометой. Но этот второй день в жизни земного шара, происходящий через много столетий (или тысячелетий) после первого, люди переживают уже не как трагедию, а как праздник, поскольку в это время они раскрыли до конца свою человеческую природу и стали *всемогущими* существами, для которых соединение с Солнцем — только еще один повод продемонстрировать свою абсолютную власть над природой и свое нерасторжимое единство с ней. Вся эта вторая часть рассказа Одоевского состоит всего из одного абзаца:

«Настал общий пир земного шара; нет буйной радости на сем пиру; не слышно громких восклицаний! Давно уже живое веселье претворилось для них в тихое наслаждение, в жизнь обыкновенную; уже давно они переступили через препоны, не допускающие человека быть человеком; уже исчезла память о тех временах, когда грубое вещество посмеивалось усилиям духа, когда нужда уступила необходимости: времена несовершенства и предрассудков давно уже прошли вместе с болезнями человеческими, земля была обиталищем одних царей всемогущих... Тихо Земля близилась к Солнцу, и непалящий жар, подобный огню вдохновения, по ней распространялся. Еще мгновение — и небесное сделалось земным, земное небесным. Солнце стало Землею и Земля Солнцем...»⁵

Такое глубоко оптимистическое представление о будущем является достаточно редким для русской литературы, даже у Одоевского оно сочетается с пессимистическими картинами возможной гибели цивилизации, как это мы видим в рассказе «Последнее самоубийство».

Необходимость и невозможность идеала:

«Сон смешного человека»

Говоря о том, как развивалась традиция, заданная В. Одоевским, в последующие десятилетия, можно назвать многих русских художников. Однако наиболее явно и прямо она проявилась в творчестве Ф. Достоевского. Особенно выразительное сходство с фантастическими прозведениями Одоевского, показывающими возможное совершенство человека, демонстрирует известный рассказ «Сон смешного человека», входящий в «Дневник писателя» за 1877 г.

Достоевский изображает общество совершенных людей, в которое герой рассказа («смешной человек») попадает в результате фантастического (точнее, мистического) путешествия, вызванного его самоубийством; это означает, что все происходящее в рассказе можно понять как изображение «того света», хотя герой несколько раз повторяет, что все это — только сон. Люди совершенного общества находятся в мистическом духовном единстве друг с другом, так что для них невозможны зло, ложь и эгоизм. Некоторые интерпретаторы рассказа считают, что в нем писатель изобразил свое представление о христианском рае, однако это невозможно признать верным, поскольку люди этого общества сохранили два главных признака «греховного», земного человечества — *деторождение* и *смерть*. Вот как герой рассказа описывает их: «Дети солнца, дети своего солнца, — о, как они были прекрасны! Никогда я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке... Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием, но лица эти были веселы; в словах и голосах этих людей звучала детская радость... Они радовались являвшимся у них детям как новым участникам в их блаженстве. Между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит. Их дети были детьми всех, потому что все составляли одну семью. У них почти совсем не было болезней, хотя и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками... Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертию»⁶.

Важным признаком совершенства людей этого общества является их гармоничное единство с окружающим миром, именно поэтому, как утверждает герой рассказа Достоевского, им стала не нужна наука в том смысле, как ее понимаем мы, они интуитивно знали все вещи, поскольку были непосредственно, бытийно соединены с ними: «Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся познать ее, потому что жизнь их была восполнена. Но знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки»⁷. Точно так же как Одоевский, Достоевский считает обычную науку, основанную на разуме, неполноценной и не дающей окончательной истины.

Однако в представлении Достоевского о возможности человеческого совершенства есть черта, которой мы не находим в представлениях Одоевского: Достоевский убежден в том, что прекрасная с виду цель *никогда не может быть достигнута*, поскольку этому препятствует антиномичность, противоречивость сущности человека.

Еще до того, как он узнал все детали жизни совершенных людей, герой рассказа отторгает то гармоничное состояние, в котором они пребывают, поскольку он предчувствует, что в нем невозможна при-

вычная ему земная любовь: «Есть ли мучение на этой новой земле? На нашей земле мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение! Мы иначе не умеем любить и не знаем иной любви. Я хочу мучения, чтоб любить»⁸. Затем его все-таки увлекает совершенство их жизни, и он готов признать, что реализованный ими идеал является безусловным идеалом для него самого и для того несовершенного общества, из которого он пришел. Но после того как он соединяет свою жизнь с их совершенной жизнью, оказывается, что его несовершенство *могущественнее* их совершенства: он непонятным себе самому образом «развращает» их! «Как это могло совершиться, — описывает герой рассказа «грехопадение» совершенных людей, — не знаю, не помню ясно... Знаю только, что причиной грехопадения был я. Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось *невинно*, с шуток, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им. Затем быстро родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность — жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться»⁹. Интересно, что переход к несовершенству начинается с изменения любви: она из идеально-возвышенной снова становится *сладострастной* и *жесточкой*, как в нашей жизни. Но парадоксальным образом именно такая несовершенная любовь, связанная со страданием, оказывается для героя более привлекательной, поскольку в ней более полно выражается противоречивая сущность человека.

В конце рассказа Достоевского смешной человек формулирует истину, которую он понял из всего произошедшего с ним приключения (даже если это был только сон), и признает, что, зная эту истину, он обязан донести ее до людей, должен стать пророком — пусть даже гонимым и высмеиваемым: «...пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), — ну, а я все-таки буду проповедовать. А между тем так это просто: в один бы день, *в один бы час* — всё бы сразу устроилось! Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. А между тем ведь это только — старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же! “Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья” — вот с чем бороться надо!»¹⁰

В этом идейном итоге рассказа Достоевского присутствуют два важнейших момента. Во-первых, здесь в словах героя проступает противоречие между *необходимостью* проповедовать идеал и трезвым пониманием *невозможности* его воплощения в жизнь. Человеку нужен идеал, он должен создавать идеал, реализуя в нем важнейшее измерение своего существа — стремление к совершенству; но действуя на основе идеала,

мы должны здраво видеть бесконечность и иррациональность жизни и нашего собственного существа, и это ведет мудрого человека к пониманию невозможности полного воплощения идеала. Нужно понимать равноценность и нашего стремления к идеалу, и требований нашей непосредственной жизни, в своей иррациональности, сопротивляющейся желанию сделать ее более гармоничной.

Во-вторых, герой ясно противопоставляет между собой два принципа, которые намечают очень разные пути движения в будущее. Один принцип — это «люби других как себя», а второй — «сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья». Первый принцип герой признает единственным твердым основанием для реального изменения жизни и продвижения к состоянию «рая» (конечно, земного, а не «небесного»), хотя понимает невозможность его достижения, второй — главным препятствием для такого рода изменений, для совершенствования жизни. С некоторой долей условности можно сказать, что эти принципы связаны с действием в человеке двух противоположных сил: первый — с действием интуиции («инстинктуальной силы» Одоевского), второй — разума. Получается, что в отличие от Одоевского, который мыслил будущего совершенного человека («сверхчеловека») через гармоничное единство и соединение интуиции и разума (при главенстве интуиции), Достоевский не представляет возможности их гармонии: разум всегда будет фактором дисгармонии и несовершенства в человеческой жизни. Именно поэтому, изображая грядущее совершенное общество, он ничего не говорит о его научно-технических достижениях, в то время как в незаконченной повести Одоевского на первом плане (по крайней мере в написанной части) оказывается именно изображение технической мощи этого общества. Тем не менее самое главное в рассказе Достоевского — это убеждение в *необходимости* создания «утопического» идеала, даже если этот идеал превосходит возможности человека; *без такого идеала человеческая жизнь потеряет смысл*¹¹.

Утопия и антиутопия в раннем творчестве А. Платонова

Наиболее интересное и глубокое продолжение литературная традиция размышлений о грядущем совершенстве человека и человечества после Достоевского получила в творчестве Андрея Платонова. В своей версии идеи «сверхчеловечества» Платонов соединяет мысли Одоевского и Достоевского. С одной стороны, он, как и Одоевский, считает науку важнейшим фактором совершенства человеческой цивилизации, поэтому, давая в своих фантастических рассказах образы будущего, он изображает это будущее непременно связанным с научно-техническим прогрессом. При этом Платонов безусловно разделяет представление Одоевского о том, что наука может стать реальным фактором совершенства цивилизации, только если она подчинена «интуиции», некоторой скрытой способности человека

прийти в единство со вселенной. Об этом говорится уже в первом рассказе Платонова на эту тему (рассказ «Маркун», названный по имени главного героя). Размышляя о том, как он построит машину, которая сможет поглотить и «переработать» всю материю вселенной, герой рассказа одновременно добавляет: «Сильнейшая сила, лучший рычаг, точнейшая точка — во мне, человеке. Если бы ты и повернул землю, Архимед, то сделал бы это не рычаг, а ты. / Я обопрусь собою сам на себя и пересилю, перевешу все, не одну эту вселенную»¹². Получается, что наука и техника — это только некое второстепенное добавление к поистине *мистическим* силам, заключенным в человеке, именно эти силы и должен прежде всего раскрепостить в себе человек, чтобы начать дело совершенствования себя и мира.

Но, с другой стороны, Платонов очень органично воспринимает идею Достоевского о глубокой антиномичности сущности человека, и это ведет его к пониманию того, что окончательное совершенство человека и человечества недостижимо. Даже более того, он показывает, что слишком настойчивое желание осуществить идеал совершенства приведет к гибели человека, к превращению его в странное существо, не вызывающее ни восхищения, ни даже уважения.

Такое диалектическое понимание идеи совершенства выражено в многозначном и загадочном в своей сути рассказе «Жажда нищего» (другое название «Видение истории»), написанном в конце 1920 г. Здесь изображено утопическое будущее человечества, осуществившего радикальное преобразование человека и природы с помощью научно-технического разума. Человек избавился от всех недостатков, которые искажали его существование на протяжении тысячелетий (инстинкт, страсть, чувства), и пришел в совершенное состояние, главным признаком которого является «слитность» всех людей, преодоление их личностной независимости (это похоже на состояние людей в рассказе Достоевского «Сон смешного человека»); поэтому человечество в его новом, совершенном состоянии Платонов обозначает именем «Большой Один». Этот Большой Один был чистым сознанием (разумом), чистым светом, чистой истиной, и поэтому он почти полностью преодолел сопротивление природы, как бы «поглотил» ее, и «был близок к своему покою».

Но главным «героем» рассказа является вовсе не совершенное человечество в форме Большого Одного, а *Пережиток*, некое темное начало, которое, существуя внутри чистого, совершенного сознания, мешает ему достичь *абсолютного* совершенства. Пережиток определяет себя как «древний темный зов назад», как «мечущуюся злую силу» и как «скрюченный палец воющей страсти»¹³. Несмотря на все эти отрицательные определения, мы понимаем, что Пережиток глубоко «симпатичен» автору и на самом деле его неуничтожимость нужно оценивать как *глубоко позитивный* факт. Ведь именно благо-

даря сохранению Пережитка внутри Большого Одного ни само это совершенное существо, ни мир, который оно пытается поглотить, растворить в своем чистом сознании, не замирают в абсолютном самотождестве и безразличии; именно благодаря Пережитку сохраняются динамика и время, т.е. сохраняется *течение жизни*, точно так же как и *память о прошедшем*. В нем все построено на противоречиях, но через противоречия в нем воскресает прекрасная и грозная земная жизнь.

Центральную часть рассказа составляет воспоминание Пережитка об одном эпизоде в прошлом, когда произошел решительный прорыв ясного разума человечества к полному познанию и подчинению себе природы. В это время человечество еще существовало в виде отдельных людей, т.е. еще было подобно современному несовершенному человечеству, и Большой Один еще не поглотил природу. Можно сказать, что если первая часть рассказа, о которой мы говорили выше, давала абстрактно-философское представление о далеких перспективах человеческой истории, то во второй части Платонов дает конкретно-художественное описание того, как будет происходить переход к чистому сознанию и к полному познанию и преобразению мира. И совершенно очевидным образом здесь начинает чувствоваться ирония автора по поводу изображаемых событий. Утопия очевидным образом оборачивается антиутопией¹⁴.

Перед нами предстает человечество, которое настолько развило свое сознание и подчинило себя деятельности по познанию мира, что созданные им наука и техника уже почти полностью контролируют весь мир, все природные процессы: «В небе день и ночь из накаленных электромагнитных потоков горела звезда в память побед человечества над природой... только что была кончена страшная борьба за одну истину и настал перерыв во вражде человечества и природы. Но перерыв был скучением сил для нового удара по Тайнам»¹⁵.

Однако в этот момент человечество еще не достигло состояния чистого сознания. Далее Платонов указывает на те черты бытия людей, которые свидетельствуют о неполноте их совершенства. Смерть была побеждена, но не полностью: «Человечество давно (и тогда уже) перестало спать и было почти бессмертным: смерть стала редким случайным явлением, и ей удивлялись, а умерших немедленно воскресали»¹⁶. Чувства и страсти все еще оставались в людях, хотя уже не господствовали в их жизни, а были подчинены мысли — только появившись, они переходили в сознание, в мысль. Самым наглядным свидетельством далеко зашедшего процесса уничтожения чувств (их полного подчинения сознанию) было исчезновение способности смеяться: «Эти люди не поднимали никогда головы и не смеялись. На Земле не было ни лесов, ни травы и перестали кричать звери. Одни машины выли всегда, и блестели глаза электричества»¹⁷.

Уже здесь мы явно чувствуем, что автор не испытывает никакой радости от предстоящей его воображению картины. Но дальше он еще более выразительно расставляет *негативные* акценты в своем описании будущего, не оставляя сомнения в том, что речь идет не о «победе» человечества над миром и своими собственными несовершенствами, а о его *гибели*. Самым выразительным признаком этого является деградация телесной стороны человеческого существования: «У людей разрослась голова, а все тело стало похоже на былиночку и отмирало по частям за ненадобностью»¹⁸. Но самое главное, что теперь почти полностью исчезли традиционные отношения между мужчиной и женщиной: «Женщин было меньше мужчин, и любви между полами почти не было. Женщины гибли и от ожидания гибели становились спокойными и тихими, как звезды. Бессмертие их не касалось. Мужчины-инженеры не говорили об этой новой правде женщинам. И они не спрашивали, а молчали и ходили белыми видениями в синих залах горящих городов. Были времена решительных ударов, и женщина казалась всем насмешкой»¹⁹.

Женщины оказались настолько глубоко пронизанными природным началом и настолько неспособными стать чистым сознанием, что все преобразование человечества *их не затронуло*; они остались столь же смертными, как и раньше (в несовершенном прошлом), столь же приверженными чувствам и самому главному своему чувству — любви. В связи с этим, когда научный «вождь» человечества Электрон понял, что наступил новый и, возможно, решающий этап борьбы с природой и ее Тайнами, было принято решение уничтожить женщин, поскольку их существование мешало дальнейшему прогрессу, превращению человека в чистое сознание и поглощению природы сознанием. «Для успешности борьбы были уничтожены пережитки — женщины. (Они втайне влияли еще на самих инженеров и немного обессиливали их мысль чувством.)»²⁰

Уничтожение женщин помогло «совершенным» ученым и инженерам разрешить еще одну важную Тайну природы, и человечество еще на шаг продвинулось к «заветной» цели растворения всего существующего в абсолютном сознании. Однако в это жуткое видение самоуничтожения человечества вновь вмешивается Пережиток, через воспоминание которого мы и постигли эту картину. Осознав, что до конечного состояния превращения человечества в чистое сознание Большого Одного осталось одно мгновение, и в это мгновение он сам должен исчезнуть, поскольку только он и мешает этому последнему шагу к «совершенству», Пережиток испытывает страх, и это родившееся в нем *чувство*, разрастаясь, делает его самого настолько значимым внутри чистого сознания, что он становится *сильнее этого сознания*, сильнее Большого Одного. Вот как об этом сообщает сам Пережиток: «...я дрожал от страха и истомы в изумрудной точке сознания, в глу-

бине разрушенной вселенной. Теперь ничего нет: Большой Один да я. Моя погибель близка, и тогда сознание успокоится и станет так, как будто его нет, один пустой колодезь в бездну. / И я поднялся, и везде все засветилось, потому что я увидел, как кругом было хорошо и тихо, как в идущие века. / Я понял, что я больше Большого Одного; он уже все узнал, дошел до конца, до покоя, он полон, а я нищий в этом мире нищих, самый тихий и простой»²¹. Ниццета Пережитка, его *страсть* к обладанию хотя бы чем-то из полноты бытия оказывается подлинной силой, которая разрушает целостность и полноту Большого Одного: «Я настолько ничтожен и пуст, что мне мало вселенной и даже полного сознания всей истины, чтобы наполниться до краев и окончиться. Нет ничего такого большого, чтобы уменьшило мое ничтожество, и я оттого больше всех»²².

Оказывается, что именно благодаря Пережитку и его «ниццете» человечество и мир не погибнут, не канут в небытие чистого сознания, а снова родятся из страсти Пережитка, снова будут жить и страдать, чтобы снова стремиться к совершенству и никогда не достигать его, поскольку *достигнуть совершенства для человека — значит исчезнуть, перестать существовать*.

Весь этот гениальный рассказ и особенно его финал позволяют увидеть, что молодой Платонов является очень тонким и глубоким идейным наследником Достоевского. Противоречивое отношение Платонова к победе над «полом» и смертью, к полному подчинению чувств рациональному сознанию, к господству науки и техники обусловлено вовсе не его «незрелостью» и не «поисками» своей позиции, как считают некоторые исследователи, а как раз наоборот — убежденностью в своем абсолютно последовательном мировоззрении, которое глубоко проникает в антиномическую сущность человека и для выражения которого приходится прибегать к противоречивым художественным символам²³.

Таким образом, в русской литературе мы находим целостную традицию описания перехода человечества к совершенному состоянию. В развитии этой темы можно увидеть очень важное изменение представлений о человеке. В. Одоевский достаточно прямолинейно верит в возможность достигнуть совершенства, причем конечное состояние он мыслит как «исчезновение» человечества в прежней форме и растворение его в бесконечном бытии мироздания. Наследники Одоевского по-другому оценили ту же самую перспективу. Они отказались признать «совершенством» то состояние, в котором происходит уничтожение человечества в известной нам форме. Человек — это глубоко антиномическое существо, в котором в равной степени присутствует и устремление к совершенству и тенденция к разрушению и хаосу, противодействующая указанному устремлению. Историческое существование человека оказывается трагическим и непредсказуемым: постоянно стремясь к совершенству, он

постоянно сталкивается с непреодолимыми препятствиями на этом пути, причем самые мощные факторы, сопротивляющиеся его изменениям, находятся в нем самом. Но только через выявление этих скрытых факторов и через их преображение из негативных и разрушительных в позитивные и творческие, человек все-таки становится лучше и неуклонно движется к ясно осознаваемому, но недостижимому в исторической перспективе совершенству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Ланин Б.* Русская литературная антиутопия. – М.: Алконост, 1993; *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. – М.: Владос, 1995; *Артемьева Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. – СПб.: Наука, 2005; *Мильдон В.* Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира: Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. – М.: РОССПЭН, 2006 и др.

² *Одоевский В.Ф.* Психологические заметки // *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. – Л.: Наука, 1975. С. 213.

³ *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. С. 24.

⁴ *Одоевский В.Ф.* Два дня из жизни земного шара // Московский вестник. 1828. Ч. IX. № 14. С. 126.

⁵ Там же. С. 127 – 128.

⁶ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 25. – Л.: Наука, 1983. С. 112 – 114.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Там же. С. 111 – 112.

⁹ Там же. С. 115 – 116.

¹⁰ Там же. С. 118 – 119.

¹¹ В. Мильдон в книге о русской литературной утопии подробно анализирует развитие этого жанра на протяжении трех столетий, однако результатом исследования оказывается решительное осуждение всех форм утопии – за то, что она основана на «архаическом магизме» и якобы пренебрегает отдельным человеком и его жизнью, разворачивающейся во времени. Мильдон выставляет против утопии идеал «ничего неделания» и его главным выразителем считает Обломова, который «был непонятым спасителем русского мира» и который угадал «не только путь России в мире, но едва ли не путь человечества, – не делать, не вмешиваться в мир, тайна которого неведома» (*Мильдон В.* Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира. С. 110). Как нам кажется, здесь отрицается самое значимое и оригинальное в русской философии – ее новаторская антропология, утверждающая потенциальную бесконечность и абсолютность человека и человечества. Если верить Мильдону, то главное в русской философии и даже в русской культуре в целом – это проповедь неприметного, обыденного существования, т.е. «мещанства», в самом негативном понимании этого термина.

¹² *Платонов А.А.* Маркун // *Платонов А.А.* Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения. – М.: Время, 2009. С. 246.

¹³ *Платонов А.А.* Жажда нищего // *Платонов А.А.* Усомнившийся Макар... С. 269.

¹⁴ Немецкий исследователь Х. Гюнтер предлагает удачный термин для определения необычного жанра платоновских утопий – «утопия-антиутопия», или «метаутопия» (см.: *Гюнтер Х.* По обе стороны от утопии: контексты творчества А. Платонова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012), однако он считает возможным применять его только к «зрелым» произведениям Платонова («Чевенгур», «Котлован» и др.), считая, что раннее творчество Платонова прошло под знаком однозначного утопизма. Мы же пытаемся показать, что существенного различия между ранними и поздними «утопиями» Платонова нет.

¹⁵ *Платонов А.А.* Жажда нищего. С. 270.

¹⁶ Там же. С. 271.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 271 – 272.

²⁰ Там же. С. 273.

²¹ Там же. С. 274.

²² Там же. С. 274 – 275.

²³ Развитие этой темы в зрелых произведениях Платонова рассмотрено в статье: *Евлампиев И.И., Колычев П.М. Личность и Бытие: метафизика человека в прозе А. Платонова и ее истоки // Вопросы философии. 2014. № 3.*

REFERENCES

Artemyeva T.V. *From the glorious past to a bright future: Philosophy of History and Utopia in the Russian Enlightenment.* Saint Petersburg, Nauka [Science], 2005. 496 p. (in Russian).

Günther H. *On both sides of utopia: a context of A. Platonov's creativity.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2012 (in Russian).

Dostoevsky F.M. *Diary of a Writer. 1877.* Dostoevsky F.M. Complete Works. 30 volumes. Leningrad, Nauka [Science], 1971 – 1990. Vol. 25 (in Russian).

Evlampiev I.I., Kolychev P.M. *Personality and Being: the metaphysics of human in the prose of A. Platonov and its origins. Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 2014. No 3. (in Russian).*

Mil'don V. *Sanskrit in the ice, or Return from Ophir. Essay on the Russian literary utopia and utopian consciousness.* Moscow: ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2006. 288 p. (in Russian).

Lanin B. *Russian literary antiutopia.* Moscow: Alkonost, 1993. 304 p. (in Russian).

Odoyevsky V.F. *Two days in the life of the globe. Moskovskiy vestnik [Moscow herald]. 1828. Part IX. No 14. (in Russian).*

Odoyevsky V.F. *Russian Nights.* Leningrad: Nauka [Science], 1975 (in Russian).

Platonov A.A. *Doubting Makar. The stories of the 1920s. Poems.* Moscow: Vremya [The time], 2009 (in Russian).

Shestakov V.P. *Eschatology and Utopia: Essays on Russian philosophy and culture.* Moscow: Vlagdos, 1995. 208 p. (in Russian).

Аннотация

В русской литературе важной темой было изображение совершенного состояния человечества, которого оно достигнет в истории. Владимир Одоевский считал, что в этом состоянии человечество соединится с мирозданием и будет полностью контролировать его соединенными усилиями своего разума и мистической интуиции. Федор Достоевский и Андрей Платонов отказывались считать совершенное состояние достижимым, поскольку в этом состоянии человечество исчезнет в той форме, в какой оно существует сейчас. Человечество будет вечно стремиться к совершенству и никогда его в окончательной форме не достигнет.

Ключевые слова: русская философия, Владимир Одоевский, Федор Достоевский, Андрей Платонов, будущее человечества, эсхатология.

Summary

The major theme in Russian Literature was the painting of the state of human perfection which humanity would reach in history. Vladimir Odoyevsky believed that in this state the humanity would be connected with the whole universe and would take complete control of it by means of joint efforts of his mind and mystical intuition. Fyodor Dostoevsky and Andrey Platonov refused to consider the perfect state of Humanity as attainable, because in this state humanity would disappear in the form it exists now. Humanity will always strive for perfection and never would be reached in final form.

Keywords: Russian philosophy, Vladimir Odoyevsky, Dostoevsky, Andrey Platonov, future of humanity, eschatology.